галлюцинація солнечнаго луча, исходящая изъ прозаической окружности имъ выводимой фигуры.

Такъ ошиблись друзья Льва Толстого, видящіе центръ его жизни въ проповѣдяхъ, облетающихъ земной шаръ изъ *„Ясной Поляны“*. *„Кругъ Чтенія“* есть квинтъ-эссенція всѣхъ этихъ проповѣдей: между тѣмъ *„Кругъ Чтенія“* есть молчаніе самого Толстого, молчаливое признаніе кризиса своей проповѣднической индивидуальности. Началъ Толстой съ того, что онъ, Левъ Толстой, скажетъ намъ свое, толстовское слово о правдѣ жизни; послѣ же онъ сталъ ссылаться на другихъ: въ этихъ ссылкахъ въ концѣ-концовъ растворился Толстой-проповѣдникъ.—„Левъ Николаевичъ, что вы думаете о томъ-то“, раздавались возгласы со всѣхъ пяти частей свѣта. И въ отвѣтъ раздавалось неизмѣнное изъ *„Ясной Поляны“*: „Будда говоритъ, Конфуцій говоритъ, Шопенгауэръ говоритъ... Говорилъ... даже Генри Джорджъ! Говорили... мальчишки школьники, говорилъ крестьянинъ такой-то. Поученія Толстого часто сводились къ рекомендаціи мыслей неизвѣстнаго міру крестьянскаго генія. Многіе изъ этихъ *„устъ“* Толстого появлялись на страницахъ толстыхъ и тонкихъ журналовъ. Такъ Толстой-проповѣдникъ смѣнился десятками, Толстымъ патентованныхъ, мужичковъ, каявшихся интеллигентовъ, студентовъ, сектантовъ. *„Кругъ Чтенія“* расширялся въ кругъ говорившихъ лицъ. А Толстой усердно комментировалъ этотъ блѣдный говоръ о томъ, почему земной шаръ не правъ, развивая науку, искусство, культуру и государство. Наконецъ этотъ кругъ говорящихъ лицъ начиналъ строить поселки. Но въ поселкахъ тѣхъ не поселялся Толстой. Онъ продолжалъ комментировать свои и чужія мысли.

Явно, что проповѣдникъ въ немъ замолчалъ.

Средства художественной изобразительности называли не разъ *бабочками*. Опредѣленіе Фета, какъ *поэта бабочекъ*, скомпрометировало надолго Музу поэта въ глазахъ русскаго общества, занятого чѣмъ угодно (хоть чисткой картофеля), но не легкомысленнымъ собираніемъ мотыльковъ. Легкомысленность же порхающихъ мотыльковъ искусства вовсе не столь легкомысленна; наоборотъ, она плодотворна: оплодотворяющую пыльцу переносятъ на цвѣтки легкомысленные мотыльки, привлеченные яркостью лепестковъ и ихъ ароматомъ; мотылекъ, лепестокъ и цвѣточное благовоніе искусства есть условіе созрѣванія будущаго плода, падающаго на